

XVI, 49580, 102

№ 60.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ОКТАБРЬ

Четырехлѣтній мальчикъ-французъ, пострадавшій отъ германской бомбы въ Кале.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей России:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 . — .
 . 1 мѣс. — . 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Также объявленій:
 За строку непара-
 рали въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текота . 90 к.
 позади . . . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

№ 60—1915 г. Главная контора журнала Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Октябрь.

ПОСЛѢДНІЙ СМЫСЛЪ.

Этюды Льва Гумилевскаго.

Плотно прижавшись давно небритымъ лицомъ къ взрыхленной землѣ, онъ пролежалъ неподвижно всю ночь, какъ упалъ, съжившись всѣмъ своимъ громоздкимъ, тяжелымъ тѣломъ, впившись въ землю руками, точно цѣпляясь за нее.

Того, что происходило внѣ его, онъ не зналъ.

Онъ не слышалъ, торжествующаго гула голо-
 совъ побѣдителей, не видѣлъ смѣшавшихся ко-
 лоннъ врага, быстро уходившихъ къ далекому
 лѣсу, наступаемыхъ преслѣдующимъ побѣдителемъ.
 Онъ не чувствовалъ даже кусковъ запекшейся
 крови на своей груди и тупой боли въ широкомъ
 штыковомъ разрывѣ кожи и мяса, обнажавшимъ
 два сломанныхъ конца реберъ, торчавшихъ изъ
 рваной раны. А все то, что происходило въ немъ
 самомъ, было похоже на механическое передви-
 жение частицъ мозга, подававшего обрывки впе-
 чатлѣній, словъ образовъ и мыслей.

И въ этомъ движеніи мозговыхъ атомовъ не
 было никакого порядка, никакой послѣдователь-
 ности, хотя и въ этомъ нескладномъ передвиженіи
 ихъ можно было уловить то самое главное и су-
 щественное, что когда то запечатлѣлъ особенно
 ярко мозгъ. Не было даже порядка во времени:
 искаженное злобой лицо врага, поворачивавшаго
 въ его груди штыкъ, вдругъ прояснилось въ
 осіянное наивной печалью милое лицо дѣвушки,
 протягивавшей вмѣсто рукъ острые штыки, кото-
 рые кололи сердце тоскливою болью разлуки. А
 эта боль нелѣпо переходила въ смутное ощущеніе до-
 сады за отданные безъ квитанціи въ починку часы,
 которые должны теперъ пропасть.

— Почему пропасть... Развѣ?!

— Ну, да конечно, вѣдь это же смерть...

И кто то смѣялся надъ его недогадливостью и
 когда онъ пытался узнать, кто смѣется, видѣлъ
 рыжаго клоуна, шевелившаго волосы на головѣ,
 того самаго, котораго видѣлъ въ бродячемъ циркѣ
 всего лишь недѣлю тому назадъ. И отъ этого
 смѣха ему казалось, что и у него встаютъ волосы,
 только не рыжіе, а сѣдые.

— Почему сѣдые... Мнѣ еще двадцать девять
 лѣтъ...

А клоунъ смѣялся и пояснялъ:

— Вѣдь это же ужасъ, что ты такъ остался

сейчасъ... Ты ужасъ переживаешь и долженъ стало
 быть посѣдѣть.

— Почему ужасъ?

— Да вѣдь это же смерть...

— Ахъ, да правда... смерти! А часы? Значитъ
 часы пропадутъ...

И уже кто то отчаянно громко и весело
 хохоталъ:

— Ну да, пропадутъ. Все пропадетъ... Все. И
 мать и невѣста, и твой уютный кабинетъ, и книги,
 и кресло, и кофе по утрамъ... И театръ, театръ...
 Все. И сапогъ тѣхъ больше не надѣнешь, пом-
 нишь мягкіе, удобные, тебѣ такъ нравились... Ха,
 ха, ха... Все, все пропадетъ.

* * *

Въ предразсвѣтномъ туманѣ, осыпавшемъ его
 каплями росы, онъ очнулся. Словно отъ влажной
 свѣжести ночи размякли его плотно сомкнутыя
 губы и раскрылись и затомили мучительной жаж-
 дой. И это первое, простое, осмысленное человѣ-
 ческое ощущеніе вернуло ему способность чув-
 ствовать и простонать:

— Пи-и-ть...

Потрескавшіеся губы едва шевельнулись. Словно
 помогая имъ выразить желаніе, двинулъ руками.
 И отъ этого движенія словно разлилась кровь по
 жиламъ и сообщила кожѣ привычную чуткость въ
 осязаніи. И вдругъ какъ то сразу открылись
 глаза, услышали уши и все стало простымъ и по-
 нятнымъ.

И среди хаоса ощущеній, тоски и боли, дово-
 дившихъ мозгъ до безумія, остро какъ ножъ, чув-
 ствовалось одно:

— Пи-и-ть...

Горѣло все тѣло. Не свѣжила роса. Не дохо-
 дила до груди утренняя свѣжесть, словно не могла
 проникнуть сквозь кольцо горячаго воздуха, стояв-
 шаго надъ нимъ. А жажда томила мучительно
 знойно и овладѣла уже каждымъ желаніемъ,
 всѣмъ существомъ его.

И словно что то отыскивая, безпамятно, со-
 бравъ всѣ свои силы, онъ медленно приподнялся
 на рукахъ и оглянулся. Далеко уходило взрытое
 тысячами ногъ, темное поле. Гдѣ то далеко, едва
 видныя, двигались человѣческія фигуры, уходя въ
 темнѣвшую стѣну лѣса. И безнадежная тишина
 стояла надъ полемъ, надъ десятками труповъ, не-
 ровно разсѣянныхъ далеко другъ отъ друга по
 темному фону земли.

Опустилъ руки, упалъ.

— Вотъ я сейчасъ умру... Какъ же это будетъ... Хотѣлось продумать жизнь, хотѣлось обдумать смерть. Силою хотѣлъ привести въ движеніе мысли и не могъ. Они неуклюже падали, какъ короткія деревянныя обрубки и ихъ нельзя было сцѣпить другъ съ другомъ. И всѣ они какъ то неизмѣнно кончались однимъ:

— Пи-и-ть...

Прижался губами къ землѣ и не утолила ихъ влажная пыль. И въ страшной тоскѣ растворилась и боль, и сознание, и все существо его ушло въ одно нестерпимое желаніе, въ одну знойную жажду:

— Пи-и-ть...

И это слово, какъ одинъ звукъ вдругъ показались единымъ, прекраснымъ и громаднымъ смысломъ всего того, что еще было его жизнью. Неотвратимо чарующей бездной казалась каждая

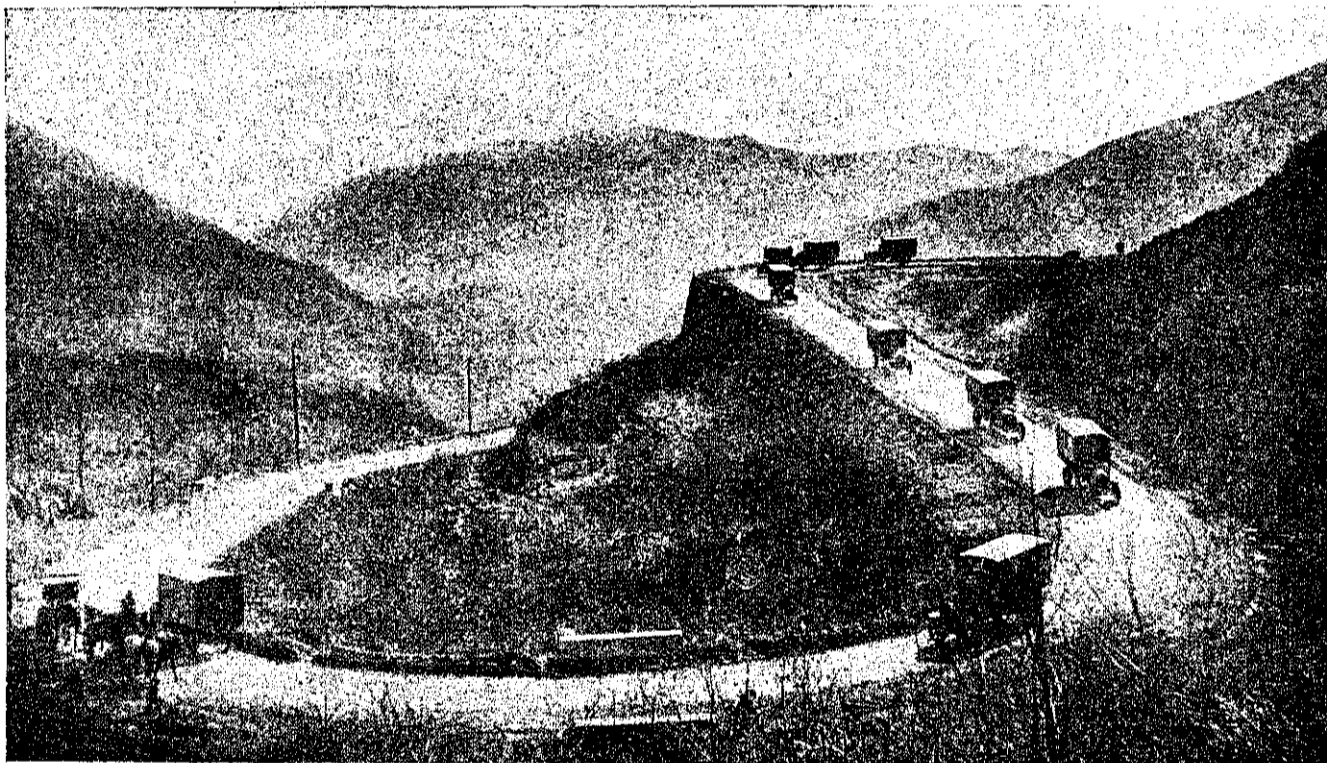
Она странно свисала съ живота мертваго солдата и отражала широкимъ снопомъ лучи солнца. И жутка была эта мертвенная неподвижность для того, для кого она была единымъ смысломъ.

— Только бы доползти.. Тамъ подберутъ.. Только бы пить...

Лихорадочно торопились мысли соткать удобный и простой планъ спасенія. И въ лихорадочной работѣ мозга и въ страшномъ напряженіи нервъ нашлось столько силъ, чтобы ползти.

Кровавились жесткіе ногти на пальцахъ. Ломались мускулы рукъ. Мертвѣло все тѣло, отъ расплзающейся тупой боли изъ груди до конечностей. И мало пособляли ноги нести на себѣ отяжелѣвшее, неуклюжее, громоздкое тѣло.

Исчезло въ сознаніи представленіе о времени и пространствѣ, о томъ что было, что будетъ. И все, что составляетъ человѣческую жизнь, было

Французскій автомобильный отрядъ въ горахъ Эльзаса.

капля влаги, которая притягивала, сосредоточивала въ себѣ весь смыслъ жизни.

Послѣдній смыслъ.

* * *

Кровавое солнце скользнуло по полю отсвѣтами пламени: И въ тускломъ сознаніи отразились тоскливой надеждой.

Мучительно хотѣлось пить.

И опять, почти безпамятно поднялся на рукахъ, выпрямляя ихъ, крѣпко цѣпляясь холодѣвшими пальцами за комья пыльной земли. И остановился помутнѣвшимъ, стеклянѣющимъ взглядомъ на чемъ то ярко блестящимъ въ лучахъ солнца. И мгновенно безнадежный смыслъ сталъ казаться осуществимымъ, и самая возможность его достиженія напитала тѣло силами, прояснила сознание:

— Фляжка... Фляжка... вода...

только однимъ желаніемъ, было только одной жаждой.

Уже высоко встало солнце надъ полемъ, разсѣялся утренній туманъ, а онъ все ползъ и ползъ. Медленно, неуклюже, съ мутнымъ невидящимъ взглядомъ, съ заткнутыми страшнымъ грохотомъ крови въ жилахъ неслышащими ушами.

И какимъ то звѣринымъ инстинктомъ все таки ползъ, не сбиваясь съ пути, оставляя по нему крупныя капли крови, падавшія изъ груди.

Передъ трупомъ опустил руки, упалъ. Потомъ дотянулся до фляжки и судорожно крѣпко вцѣпился въ нее изломанными пальцами и почти теряя сознание, припалъ къ ней сухими, до крови потрескавшимися губами.

И въ то же мгновеніе изъ его рукъ ее вырвалъ

рыжий клоунъ съ поднявшимися волосами и захоталъ такъ громко и звонко, точно это смѣялась и танцевала бѣшено сама фляжка. И она опрокидывалась: передъ нимъ и разливала воду во-кругъ него, такъ что ни единая капля не попадала на его губы.

И все кружилось, смѣялось и въ бѣшенномъ вихрѣ разверзало передъ нимъ зияющую бездну, въ которую онъ падалъ съ пустою фляжкой, прижатой къ потрескавшимся до крови губамъ.

Левъ Гумилевскій.

БОЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

НА ВОЙНѢ.

— Лѣвъ, ноль, ноль три! Трубка сто двадцать девять. Огоны!—кричить со своей вышки маленькій, забрызганный съ ногъ до головы грязью артиллерійскій офицеръ Б.

— Ноль, ноль три, трубка сто двадцать девять. Огоны! — повторяетъ другой голосъ команды внизу.

— ...Сто двадцать девять. Огоны! звучитъ передаваемая команда въ третій разъ дальше.

— Трубка... Огоны!—едва слышно доносится еще разъ повторяемая команда съ края батареи.

— Тр-р-ахъ! — сочно вырывается ударъ первой пушки.

Шесть орудій, одно за другимъ посылаютъ ядра въ неприятельскую позицію, и не успѣвъ замолкнуть отзвукъ удара послѣдней пушки, какъ снова громыкаетъ первая крайняя, и снова слышится съ вышки отчетливо сухая формула:

— Ноль, два! Трубка сто двадцать девять. Огоны!

Маленькій волшебникъ, сидя съ цѣйсовской трубкой на своей вышкѣ, ежеминутно фукая въ озябшія руки, бросаясь отъ буссолей къ микрофону, посылаетъ туда, за восемь верстъ отъ насъ, смерть. Въ сухомъ сочетаніи цифръ, въ дробной формулѣ, которая приказываетъ пушкамъ выбрасывать многопудовыя ядра, — могучая сила. Этой силой, разрушающей бетонный блиндажъ защитныхъ укрѣпленій неприятеля, сметающей въ одно мгновение валики окоповъ, вырывающей десятки людей изъ

строю, калѣчащей, кромсающей, превращающей человѣческое тѣло въ брызги крови и мозга, управляетъ скромный офицеръ Б., въ помятой фуражкѣ, въ сбитыхъ са-

Наши казаки въ Галиціи.

погахъ, заросшія сбившимися въ войлокъ клочьями давно не бритой, давно не расчесываемой бороды.

И всѣ, начиная съ командира батареи, съ нашего ротнаго командира и кончая тулякомъ—солдатомъ Пахомовымъ,—всѣ забрызганы грязью, давно не видѣли мыла, гребешка, щетки, не смѣняли бѣлья; рубаха на тѣлѣ закорузла и сдѣлалась твердой, какъ кожа, лица обвѣтрились и покрылись корою, уши больше не глохнутъ отъ непрестаннаго грохота канонады, не умолкающей ни днемъ, ни ночью; сердце не бьется тревожно ни подъ огнемъ, ни въ атакѣ, когда опя-

ненные, озвѣрѣвшіе отъ крови и жажды жизни люди бьютъ штыками, прикладами, влизаются другъ другу въ лицо ногтями, зубами, рвутъ, дробятъ и крошатъ.

Двадцатый день мы сидимъ въ передовой цѣпи окоповъ въ качествѣ прикрытія. За это время мы успѣли привыкнуть ко всему. Когда, гудя, какъ трамвай, шипя и разбрасывая во всѣ стороны огонь, къ намъ летятъ «чемоданы»; когда шестидесятипудовый снарядъ, ринувшись внизъ, роетъ огромную воронку, забрасывая насъ щебнемъ, осколками и землей, мы не бросаемся ничкомъ, не бѣжимъ за прикрытіе, не мутится уже умъ отъ ужаса. Намъ все равно. Страхъ перегорѣлъ въ душѣ, смерть перестала пугать насъ.

— Ложись! — командуетъ взводный.

Если бы не команда, никто и не подумалъ бы лечь; вѣдь, каждый день, въ продолженіе двадцати сутокъ, мы видимъ надъ своими головами летящіе снаряды. Звенитъ и воетъ шрапнель, тоскливо поютъ пулеметныя пульки и летятъ густыми роями вокругъ насъ; сухо гремитъ картечь — и такъ все время, даже тогда, когда мы спимъ или, вѣрнѣе, дремлемъ, сидя на

корточкахъ и зажавъ между коленъ стволы винтовокъ.

— Какого черта—ложись!—ворчитъ Пахомовъ.—Она тебя и лежагаго достанетъ.

— Глянь-ка, братцы, правофланговая опять закурила! Эка лупить какъ!

Молчавшая съ утра батарея на правомъ флангѣ открыла ураганный огонь по деревнѣ К., занятой неприятелемъ. Изъ-за лѣса поднялись два столба буро-багроваго дыма; грохнулъ тяжелый, раскати-стый ударъ, отъ котораго у насъ осыпалась съ вала земля, къ самому небу взметнулся пламенный

вверх, а въ немъ замелькали какіе-то черные комья: это взорвали фугасами неприятельскую траншею, подрывшись подъ нее сапой, и взлетѣли вверхъ вмѣстѣ съ камнями и кусками бетона клочья человеческого мяса.

— Правѣ! Трубка сто тридцать. Прицѣль. Огоны!—спокойнымъ, ровнымъ голосомъ командуетъ офицеръ и потираетъ озябшія руки.

— Фр-р-р!—разлетается широкимъ вѣромъ пулеметный свинецъ, сухо стуча по камнямъ, подскакивая и звеня о стоящія позади насъ подбитыя два орудія.

И-и-и!—поетъ шрапнель.

— Ломакинъ, дай-ка, братъ, огня!—кричитъ среди грохота, воя и свиста Пахомовъ присѣвшему подлѣ него на корточки товарищу.

— Сѣрнички вышли,—такъ же крича, отвѣчаетъ Ломакинъ.

— Вотъ тебѣ и разы! Что же это будетъ? Курить охота.

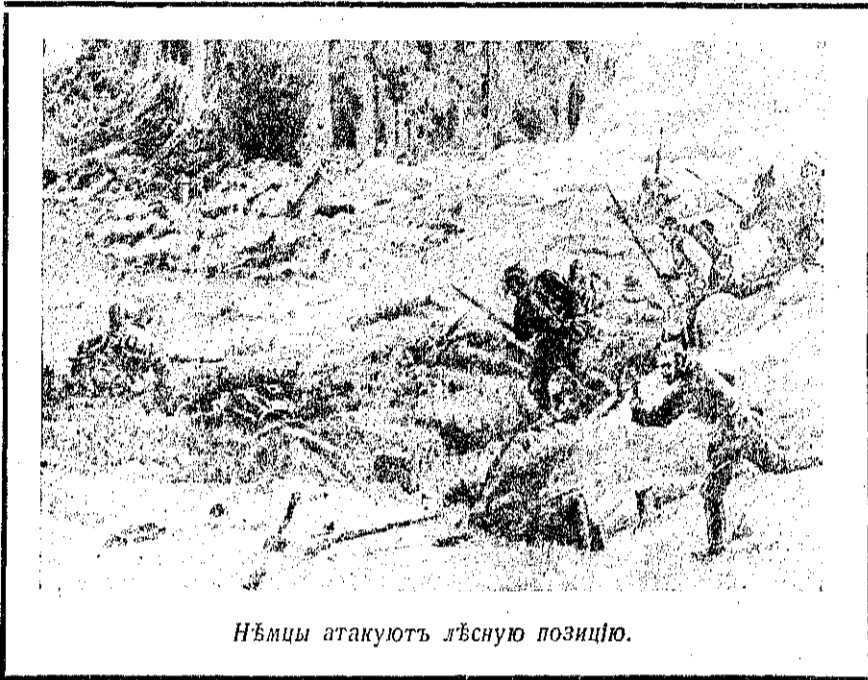
— Отъ шрапнели закури.—смѣется Ломакинъ.

Кто-то протягиваетъ Пахомову коробку со спичками. Онъ съ наслажденіемъ закуриваетъ и начинаетъ мечтать вслухъ.

— Эхъ, кабы теперь шей, да съ капустой, а то который день всухомятку жремъ. Кабы въ щахъ да говядины кусокъ, да кабы...

— У, чортъ, замолчи тамъ! А то и вправду жрать захотѣлось. Эка расписываетъ какъ!

Если бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что я, какъ и Пахомовъ, буду мечтать о щахъ съ капустой и что это будетъ верхомъ моихъ мечтаній, я не повѣрилъ бы. Инженеръ-доброволецъ Лисицынъ, бросившій все и отправившійся на войну, и бывший адвокатъ Полозовъ, зарабатывавшій десятки тысячъ въ годъ, а теперь затагивающійся махоркой, и не умѣющій считать дальше ста полуникарь вятчъ Сироткинъ—все стали похожими другъ на друга, всѣхъ сравняла война. Мы шли на войну вмѣстѣ съ вятчанами, съ орловцами, съ пензенцами, мы вмѣстѣ съ ними бились у Равы, они умирали на нашихъ глазахъ, и съ моей души, съ души Лисицына и Полозова слетѣлъ покровъ какой-то, забыты книжныя формулы, утеряны умныя слова, а осталось то, что есть въ душѣ у этихъ золотородыхъ мужиковъ, отъ которыхъ пахнетъ овчиной, потомъ и отсырѣвшимъ солдатскимъ сукномъ. Здѣсь, на войнѣ, я не могу представить себѣ, что есть гдѣ-нибудь

Нѣмцы атакуютъ лѣсную позицію.

на свѣтѣ такое мѣсто, гдѣ не воютъ снаряды, что есть люди, которые не думаютъ объ атакахъ и бояхъ, что есть что-нибудь, покрывающее своей значительностью, своей важностью, своимъ жуткимъ, трагическимъ смысломъ эти мечты о горячихъ щахъ подъ дождемъ пуль и снарядовъ.

Ночью будетъ атака, и поэтому намъ дали роздыхъ. Мы ушли въ землянки, и наканунѣ боя каждый занялся своимъ дѣломъ. Сюда доносятся глухіе раскаты взрывовъ и частая трескотня смѣнишаго насъ резерва. Съ потолка землянки, куда мы забрались ползкомъ, осыпается земля. Свѣчка, воткнутая въ горлышко бутылки, раза два погасла отъ взрывовъ подлѣ землянки.

— Ой-ой!—доносится чей то стонъ изъ траншеи.

— Чего орешь?

— Нога-а! Ой, нога-а—тянетъ надрывающій душу голосъ.

— Терентьевъ! Эй, Терентьевъ! Куда пропалъ, чортъ! Давай бинты. Копыткова кокнуло.

— Нога-а!

Пахомовъ прислушивается къ стону Копыткова и неодобрительно качаетъ головою:

— Чего скулить? Стонать—бабье дѣло. Коли болитъ, скажемъ, даже болить—ты зубы стисни да помалкивай. А то смущенье наводитъ. Такое уже твое званіе—солдатъ, чтобы терпѣть, а то воетъ.

Лисицынъ пишетъ письмо подъ

диктовку Лагова, маленькаго, круглаго солдата-вологодца.

— Супруга наша любезная, Марья Тимсеевна.—раскачиваясь диктуетъ Лаговъ.—Нынче ночью мы идемъ на большое страженіе. Живу ли быть, Господь вѣдаетъ, а умирать надо за престоль-отечество. И вотъ, супруга наша любезная, продай овчины. А дешевле, чѣмъ по три рубля не отдавай, потому овчины нонѣ въ цѣнѣ. Ежели что со мною будетъ, не тужи, Маруся: присягу принималъ. А насчетъ овчинъ, гляди, чтобы не продешевить. Молись Богу, угоднику Серафиму свѣчку поставь, потому страженіе будетъ лютое...

Адвокатъ Полозовъ сидитъ подлѣ свѣчки и, скинувъ сорочку, съ увлеченіемъ охотится за «внутреннимъ врагомъ». Вольноопредѣляющійся Поповъ чисто-начисто выбрилъ и теперь бреетъ солдата Молостова, который даже покрываетъ отъ удовольствія:

— Вотъ такъ ладно! Закрутимъ усы колечками—молодцомъ.

— Чего лакъ наводишь? Може убьютъ?—говоритъ Строевъ, завидующій дому, что Молостова бреютъ, а онъ небритый.

— Умирать надо чисто,—отвѣчаетъ Молостова.—Вотъ я еще водицей волосы помочу да причешусь: гляди, нѣмецъ, каковъ я есть доблестный воинъ Иванъ Никифоровичъ Молостова!

Въ сосѣдней землянкѣ затѣяли лѣсню. Запѣваетъ чей-то бархатный грудной голосъ:

Никанорова солома,
Никанорихина рожь,
Никанору говорилъ—
Никанориху не трожь.

Нѣсколько голосовъ бойко и дробно подхватываютъ:

Ты раздѣливай корзинки,
Раскомаривай куски;
Теща по міру ходила—
Отморозила чулки!

Въ пѣснѣ нѣтъ смысла, но въ голосахъ, поющихъ ее подъ грохотъ канонады, чувствуется широкая, могучая сила, та сила, которая захватила меня, Полозова, Лисицына и Попова и сроднила насъ съ тульскими и пензенскими мужиками.

— Эка наяриваютъ какъ!— улыбаясь, говоритъ Пахомовъ.

Ты играй, моя тальбянка,
Съ колокольчиками,
Ты пляши, моя милая,
Съ поговорочками—

доносится изъ сосѣдней землянки. — Выходи, ребята,—приказываетъ взводный, заглядывая къ намъ въ землянку.

Ночь темна и сыра. Съ неба падаетъ мокрый снѣгъ и таетъ, не долетая до земли. А небо все залито кровью, все вспыхиваетъ зарницами — отблесками выстрѣловъ. И попрежнему, передаваясь четыре раза, слышна команда неутомимаго офицера, сидящаго на вышкѣ.

— Ноль и два, трубка сто двадцать восемь. Огонь!

Онъ сидитъ тамъ съ утра, съ ранней зари, подъ снѣгомъ, на вѣтрѣ, въ сырости, и все однимъ и

гучая сила. Она поднимаетъ насъ изъ траншеи, смыкаетъ наши ряды и, снова повторившись въ иномъ сочетаніи, заставляетъ насъ рассыпаться по-одиночкѣ.

— Тра-та-та!

Ни я, ни Лисицынъ, ни Пахомовъ, не нашли еще имени тому, что слило насъ въ одно общее и цѣлое, но въ душѣ нѣтъ протеста, въ душѣ тихая радость, а временами въ ней вспыхиваетъ опьяняющій порывъ. И тогда, какъ у Равы, мы идемъ въ бой съ гимномъ, съ молитвой «спаси, Господи». И я, аналитикъ и позитивистъ, и Лаговъ—простая душа, и еврей Нахмансонъ, вѣрующій въ иного Бога, всѣ мы поемъ одну молитву:

— Спаси, Господи, люди Твоя!

Здѣсь нѣтъ ни интеллигентовъ, ни мужиковъ, ни атеистовъ, ни вѣрующаго людей; здѣсь одно многоголовое тѣло—народъ, здѣсь могучая слитность, въ которой нѣтъ ни вѣръ, ни націй, ни личныхъ убѣжденій. У всѣхъ одна большая правда, и эта правда отметагаетъ прочь мою вѣру, мои принципы, мои взгляды, поглощая всего меня и растворяя мою личность въ морѣ Пахомовыхъ и Лаговыхъ.

— Тра-та-та,—звучитъ сигнальный рожокъ.

Я припадаю къ землѣ рядомъ съ Молоствовымъ. Съ неба падаетъ большой огненный комъ: это снарядъ. Онъ упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, и я слышу, какъ онъ шипитъ, чувствую исходящую отъ него теплоту.

— «Кого? Его или меня?» — думаю я.— «Ахъ, если бы не меня!».

— Тр-р-ахъ! — слабѣе, чѣмъ я предполагалъ, ударяетъ разрывъ.

— «Не меня, не меня, а его!» — радостно пронесется въ моемъ умѣ.

— Хлю-хлю,—клопочетъ въ горлѣ у Молостова. Онъ подымаетъ голову, хочетъ сказать что-то.— Хлю-хлю... Умираю... Хлю! Напиши... хлю... брату. Вологодской губернии... село... Хлю-хлю...

Онъ опускается на землю и, вздрогнувъ, свертывается калачикомъ.

— Назадъ,—тихо передаетъ команду невѣдомо откуда взявшійся взводный.

Мы уходимъ опять въ траншею, чтобы начать новую атаку при помощи сапы, т.е. роясь въ землѣ и набрасывая впереди себя насыпь за насыпью...

Я. Окуневъ.

Атака французами германской траншеи.

Адвокатъ Полозовъ бросилъ свою охоту и, подойдя къ Пахомову, хлопаетъ его по плечу.

— Что, умирать будемъ, братъ? — говоритъ онъ.

— Чего умирать? — отвѣчаетъ Пахомовъ.—Расчехвостимъ мы ихъ, и дѣлу конецъ.

— А ежели они насъ расчехвостятъ?

— Вотъ такъ на: сказали! Не можетъ этого быть.

— Почему?

— Потому—мы народъ, сила, а они вахлаки. У насъ въ бой идутъ — пѣсни поютъ, а у нихъ волками воютъ. Стало быть, наша возьметъ.

тѣмъ же дѣловито-напряженнымъ голосомъ отдаетъ приказанія.

Насыпь у нашего окопа снесена пулеметнымъ огнемъ. Солдаты работаютъ ш.нцевыми лопатками, набрасывая подъ пулями свѣжую насыпь. Гдѣ-то влѣво отъ насъ устанавливаютъ новыя орудія, и слышно, какъ кричатъ нѣсколько голосовъ:

— Ну-ка, наддай разомъ, — у-ухъ!

— Плечомъ напри, этакъ!

— Ну-ка, понатужься, у-ухъ!

Какъ будто дѣлаютъ мирную тяжелую работу.

— Тра-та-та, — звучитъ гдѣ-то сигнальный рожокъ.

Въ этомъ стальномъ звукѣ мо-

ВОЕННЫЙ УЗОРЪ.

Стихи А. С. Грина.

ВЫСТУПЛЕНИЕ.

Волнуя синіе штыки
Выходятъ стройные полки,
Повозки движутся за ними,
Гремя ободьями стальными,
Въ чехлахъ орудій длинный рядъ.
Лафеты, конницы отрядъ,
Значки автомобильной роты,
И трубачи, и пулеметы,
Фургоны Краснаго Креста—
Походной жизни пестрота.

ДОРОГА.

За перелѣскомъ лѣсъ угрюмый,
За лѣсомъ поле. Средь ракичь
Рѣка осенняя блеститъ,
И полонъ боевою думой
Съ солдатомъ шепчется солдатъ:
«На завтра битва, говорятъ»...

ПРИВАЛЪ.

Дымится лугъ; бросаютъ тѣни
Уступы облачные горъ;
Стрѣлокъ, въ траву ставъ на колѣни,
Разжечь торопится костеръ;
А тамъ—стреноженные кони,
Походный залучивъ уютъ,
Траву росистую жуютъ.
У котелка гуторятъ:—«Нонъ
«Чайку попилъ, поѣлъ—да спать...
«Завтра нѣмца доинимать».

ПАЛАТКА.

Офицера, уславъ секреты,
Сидятъ въ палаткѣ при огнѣ,
И двигаются силуэты
На освѣщенномъ полотнѣ.
«Впередъ продвинулись отлично,—
Баситъ корнетъ,—идемъ прилично,
«А флангомъ влѣво подались,
«Австрійцы живо убрались».
—«Ложитесь, юноша, ложитесь!
«Кто знаетъ—завтра»...
—«Не дразнитесь;
«Обстрѣлянь, ко всѣму готовъ...
«Позвольте спичку, Ивановъ»...

НОЧЬ.

Въ ночной дозоръ идутъ пикеты,
Все спитъ. Загадочна луна.
Во снѣ все тотъ-же сонъ: война.
Ночные тѣни... Полусвѣты
Печальный крикъ лѣсной совы
Да храпъ усталой головы...

МОБИЛИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ АНГЛІИ.

Выдѣлка бомбъ для метанія изъ спеціальныхъ «бомбометовъ».

БОЙ.

Орудіе, въ ударѣ грома,
Дымясь отпрянуло назадъ.
Визжа уносится снарядъ
И брызгами стального лома
Крушитъ сверкающій окопъ.
Пылаетъ бой... Воздушныхъ тропъ,
Гранатъ чужихъ не замѣчая,
Спѣша, огонь огнемъ встрѣчая,
Артиллеристы у орудій,

Въ пылу поймать успѣвъ едва
Команды рѣзкія слова,
Какъ черти... Тяжко дышутъ груди,
Лафета скрипъ и стали звонъ,
Шипѣнье пуль, сраженныхъ стонъ,
Земля и кровь, штыки и гривы,
Шрапнели яростные взрывы—
Слились въ одно...
И сталь слабѣй
Огонь германскихъ батарей.

Старинные приемы въ современной войнѣ.

Германцы воскресили многіе приемы боя, употреблявшіеся съ успѣхомъ еще въ XII столѣтіи, и союзники подражаютъ имъ очень удачно. Ручныя гранаты, на примѣръ, въ большомъ ходу у англичанъ; ими снабжены всѣ солдаты и примѣняютъ ихъ съ успѣхомъ не только для очистки траншей, но и для очистки деревень. Пара ручныхъ бомбъ, брошенная въ домъ, занятый непріателемъ, по свидѣтельству очевидцевъ, быстрѣе обращаетъ его въ бѣгство, чѣмъ какое-бы то ни было другое оружіе, и съ меньшей затратой крови и жизни, чѣмъ штыковая атака.

При осадѣ Бѣлграда австрійцы примѣняли не только большія осадныя орудія, но и старинные «баллисты» — камнеметы — съ той разницей, что металы они здѣсь не камни, а бомбы.

Во французскихъ колоніальныхъ войскахъ очень остроумно

примѣняются ручныя щиты — они же и заступы — самые обыкновенныя, которыми роютъ окопы. Но въ нихъ продѣланы двѣ дырочки для глазъ и, высовываясь изъ окопа, чтобы поглядѣть, гдѣ непріатель, солдатъ прикрывается своимъ заступомъ, повернувъ его концомъ къверху, какъ ручнымъ щитомъ, отъ вражескихъ пуль.

Жестокая хитрость, примененная шотландцами въ битвѣ съ англичанами подъ Баннокберномъ — прикрытыя вѣтками и листьями ямы съ натянутыми въ нихъ кольями, — также нашла подражателей. Послѣ занятія Брюсселя, германцы собрали всѣ бочки въ городѣ и врыли ихъ посреди улицъ выбитыми днищами къверху — черезъ такія загражденія невозможно проѣхать кавалеріи, — лошади спотыкаются и ломаютъ себѣ ноги.

СОРВАЛОСЬ.

Какъ извѣстно, вся швейцарская печать, за исключеніемъ базельской «Nachrichten», цюрихской «Neue Zeitung» и бернского «Bund», находилась на сторонѣ державъ четверного согласія.

Статьи и сообщенія всѣхъ газетъ отредѣленно сочувственны Россіи, Франціи, Англіи и Италіи, а официальные нѣмецкія сообщенія всегда печатались съ нѣкоторыми ироническими комментаріями.

Не такъ давно германскій посланникъ въ Швейцаріи графъ Ромбергъ, указывая правительству республики на недопустимость подобнаго тона печати, заявилъ, что если не будутъ приняты соответствующія мѣры, онъ со всѣмъ составомъ посольства покинетъ предѣлы Швейцаріи, причемъ указалъ и день отъѣзда.

Ему резонно отвѣтили, что въ странѣ, гдѣ существуетъ широкая свобода печати, принятіе какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ печати незаконно и невозможно.

Графъ Ромбергъ, оцѣнивъ подобную категоричность, замолкъ и въ день, назначенный для отъѣзда, продолжалъ спокойно оставаться въ своей резиденціи.

Спустя нѣсколько дней онъ снова поднялъ этотъ вопросъ и снова угрожалъ отъѣздомъ.

Тогда министръ иностранныхъ дѣлъ республики, съ которымъ онъ велъ эти переговоры, спросилъ его:

— Къ какому дню вашему превосходительству будетъ угодно получить паспорта?

Графъ Ромбергъ, смутившись подобной неожиданностью, отвѣтилъ, что онъ долженъ снестись по этому вопросу со своимъ правительствомъ.

Паспорта, конечно, не истребованы до сихъ поръ.

Еще о шпионажѣ.

Характерно, что въ Россіи установился взглядъ на шпионажъ, какъ на зло.

Правда, на неизбежное, необходимое, но все же зло.

Совершенно иначе смотрятъ на него въ Германіи.

Еще въ началѣ войны въ газетахъ промелькнули извѣстія, что Вильгельмъ, во время своихъ торжественныхъ визитовъ къ прави-

Теперь «Temps» приводитъ слѣдующее сообщеніе объ отношеніи Вильгельма къ шпионажу.

Въ бытность его въ Англіи, въ его распоряженіе былъ предоставленъ Хайкалайскій замокъ въ графствѣ Гемстидъ. вмѣстѣ съ Вильгельмомъ въ этотъ замокъ, кромѣ многочисленной прислуги, явились личные секретари въ количествѣ тридцати, оказавшіе затѣмъ организаторами шпионажа во всей Англіи.

Въ 1911 году, присутствуя въ Лондонѣ на открытіи памятника королевѣ Викторіи, Вильгельмъ представилъ королю Георгу подъ видомъ своего секретаря главу шпионовъ Штейнгауэра.

ВОЙНА И ТЕАТРЪ.

Англійская актриса въ роли Жанны Д'Аркъ.

телямъ сосѣднихъ государствъ, лично проявлялъ большое любопытство въ области военныхъ вопросовъ.

Памятенъ отвѣтъ одного изъ русскихъ генераловъ на черезчуръ откровенный вопросъ германскаго императора:

— Это уже военная тайна, Ваше Величество!

И другой.

— Я могу отвѣтить на вопросъ Вашего Величества лишь при условіи, если Вы мнѣ не откажете сообщить подобныя же свѣдѣнія о Германской арміи!

Примѣненіе бумаги въ военномъ дѣлѣ.

Одинъ изъ специальныхъ военныхъ журналовъ дѣлаетъ очень практическія указанія о примѣненіи прессованной бумаги для военныхъ цѣлей.

Такая бумага во многихъ случаяхъ можетъ вполне замѣнить собою кожу, дерево и даже металлъ въ различныхъ вѣщахъ, необходимыхъ въ военномъ хозяйствѣ.

Производство прессованной бумаги въ высшей степени просто: листы бумаги накладываются одинъ на другой, до тѣхъ поръ, пока они не составятъ слоя въ одинъ метръ (одинъ аршинъ съ четвертью) высоты. Затѣмъ ихъ подвергаютъ давленію сильнаго гидравлическаго пресса, надавливающего съ силою тридцати тысячъ пудовъ.

Подъ этимъ страшнымъ давленіемъ толщина слоя уменьшается до нѣсколькихъ сантиметровъ, и въ этомъ состояніи бумага дѣлается годною для указанныхъ выше производствъ.

По расчету военнаго журнала, такая прессованная бумага можетъ служить отличнымъ матеріаломъ для постановки понтоновъ, для выдѣлки солдатскихъ ранцевъ, хомутовъ для обозныхъ лошадей, сѣделъ, шапокъ, сабельныхъ ноженъ и для снаряженія картечей.

Добыча войны.

Союзныя страны.
Ориг. англійскій рисунокъ.

НАША СОЮЗНИЦА ИТАЛІЯ.

Этнографическій очеркъ.

ГОРОДА ИТАЛИИ.

РИМЪ.

Римъ — столица итальянскаго королевства—расположенъ на многочисленных холмахъ по берегамъ рѣки Тибра.

Въ Римѣ сохранилось много памятниковъ глубокой древности. Это развалины зданій, украшавшихъ «вѣчный городъ» во времена глубокой старины, когда онъ былъ главою могущественной римской имперіи. Римскіе императоры, не жалѣя денегъ, водвигали громадныя, роскошныя зданія, которыя должны были напоминать потомству объ ихъ стронтеляхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ зданій насчитываютъ около двухъ тысячъ лѣтъ существованія. Таковы напримѣръ, Пантеонъ и Колизей. Пантеонъ — древній языческой храмъ, нѣкогда хранившій въ своихъ стѣнахъ огромныя богатства. Богатства эти впоследствии послужили для украшенія многихъ христіанскихъ церквей, и потому Пантеонъ теперь уже не отличается прежнимъ великолѣпіемъ. Самъ Пантеонъ въ XVII столѣтіи былъ обращенъ въ католическую церковь. Стѣны его сильно осѣли; мраморная отдѣлка разрушилась. Но и теперь Пантеонъ—величественное зданіе. Въ немъ находятся гробницы многихъ знаменитыхъ сыновъ Италіи. Здѣсь погребенъ великій итальянскій художникъ — Рафаэль.

Развалины Колизея, построеннаго въ I вѣкѣ по Р. Хр., поражаютъ своимъ гро-

маднымъ размѣромъ. Видно что это было удивительное по величинѣ сооруженіе. Здѣсь веселились древніе римляне-язычники; здѣсь происходили «игры», служившія потѣхой народу. Колизей вмѣщалъ до 85 тысячъ зрителей. Вокругъ обширной площади или арены были расположены въ четыре яруса мѣста для публики. Потолкомъ или крышей служило голубое небо; въ дождливые дни надъ Колизеемъ натягивался холстъ.

На аренѣ Колизея погибла не одна тысяча несчастныхъ людей. Игры и забавы древнихъ римлянъ не имѣютъ ничего похожаго на тѣ представленія, которыя устраиваются теперь въ театрахъ и циркахъ. Это были жестокія кровавыя развлечения. На аренѣ Колизея не на жизнь, а на смерть боролись и дрались гладиаторы, которые подготавливались въ особыхъ школахъ, гдѣ въ нихъ развивали ловкость, силу и смѣлость, а также обучали искусству хорошо владѣть различнымъ оружіемъ. Гладиаторы набирались главнымъ образомъ изъ плѣнниковъ, которыхъ римляне приводили толпами послѣ побѣдоносныхъ войнъ съ другими народами, — войны же эти велись постоянно. Гладиаторы сражались другъ съ другомъ или же съ дикими звѣрями: тиграми и львами. Толпа, наполнявшая Колизей, была безжалостна къ побѣжденнымъ, — побѣдителя же она привѣтствовала радостными криками.

Знаменитый русскій поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ стихотвореній описалъ послѣднія минуты несчастнаго побѣжденнаго гладиатора:

Умирающій гладиаторъ.

Ликуетъ буйный Римъ. Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безжизненно
онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна,
И молитъ жалости напрасно мутный
взоръ...
Надменный временщикъ *) и льстецъ
его—сенаторъ,
Въичають похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладиаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освищенный
актеръ.
И кровь его течетъ... послѣдній мгновенья
Мелькаютъ... близокъ часъ. Вотъ лучъ
воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ
шумитъ Дунай,
И родина цвѣтетъ — свободной жизни
край...
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный
для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ
дней...
Дѣтей играющихъ, возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и
славой...
Напрасно! Жалкій рабъ, онъ палъ, какъ
звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой.

«Прости, развратный Римъ! Прости, о край родной!»
Преступники, наполнявшіе тюрьмы, также обрекались въ жертву народа, больше всего любившаго кровавыя зрѣлища. Ихъ сгоняли на арену и туда же выпускали голодныхъ дикихъ звѣрей, которые рвали на части этихъ мучениковъ Колизея. Кровь ручьями текла по аренѣ; стоны и крики несчастныхъ сливались съ дикимъ ревомъ наслаждающагося отвратительнымъ зрѣлищемъ народа.

На этой же аренѣ гибли во множествѣ и первые христіане, терпѣвшіе въ Римѣ жестокаго гоненія. Гонимые христіане скрывались въ подземельяхъ или катакомбахъ. Катакомбы можно видѣть и теперь: это длинныя коридоры, тянушіяся подъ землей въ разныя стороны. Они кажутся безконечными. Часто ле-

*) Римскій императоръ.

рестякась между собой, катакомбы занимают подь землей обширныя площади. Здѣсь, въ этихъ подземныхъ галлереяхъ, гдѣ непривычному человѣку очень легко заблудиться, первые христіане собирались для совершенія богослуженія; здѣсь же прятались они отъ преслѣдователей.

Предполагаютъ, что катакомбы возникли слѣдующимъ образомъ. Какая-нибудь семья, нуждаясь въ мѣстѣ, гдѣ могла бы хоронить своихъ членовъ, вырывала киркой подземную галерею. Земля въ катакомбахъ, такъ называемый зернистый туфъ, отличается одновременно мягкостью и прочностью. Она легко обрабатывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непроницаема. Однимъ словомъ, это такая почва, лучше которой нельзя ничего и придумать для кладбища, такъ какъ тѣла покойниковъ - сохраняются въ ней превосходно. Древніе христіане, вырывъ подземную галерею, дѣлали въ обѣихъ стѣнахъ ея выемки, находившіяся одна надъ другой, и укладывали тамъ покойниковъ, окутанныхъ саваномъ. Потомъ они закрывали отверстие каждой выемки мраморной плитой, тщательно вымазанной и укрѣпленной цементомъ. Къ первой семьѣ, хоронившей здѣсь покойниковъ, присоединялась другая, третья... По мѣрѣ того, какъ галерея заполнялась, ее вели дальше; затѣмъ отъ нея во всѣ стороны—вправо и влево—начинали вести новыя галереи. Такимъ образомъ подь землею выросло обширное кладбище. Въ катакомбахъ можно видѣть множество мраморныхъ плитъ, закрывающихъ могилы. На плитахъ вырѣзаны буквы, иногда рисунки.

Кромѣ описанныхъ нами памятниковъ, отъ древняго Рима сохранилось множество развалинъ дворцовъ, хра-

мовъ; сохранились кожонны, статуи. Статуи боговъ, которымъ поклонялись римляне, статуи императоровъ и великихъ людей Рима находятся въ Капитолийскомъ музеѣ.

Все, что осталось отъ древняго Рима, говоритъ объ его могуществѣ, о богатствѣ его императоровъ. Но въ Римѣ есть другія постройки, не менѣе великолѣпныя, чѣмъ были сооружения древнихъ. Эти постройки, служащія украшеніемъ Рима современнаго,—знаменитый

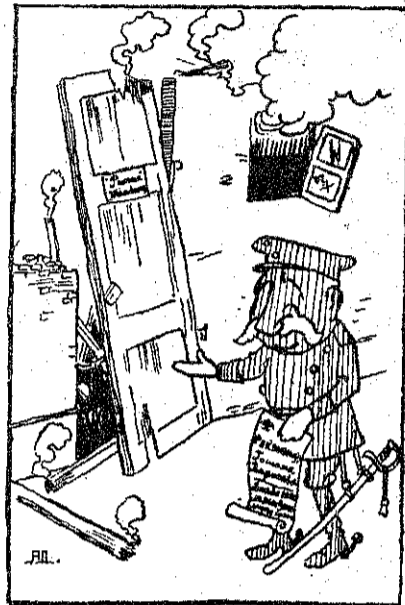

НѢМЕЦЪ. Когда надѣнешь каску и кричишь о томъ, что голоденъ—резонансъ лучше.

соборъ св. Петра и дворецъ Ватикана, гдѣ живетъ папа.

Римскій папа, не имѣющій въ настоящее время свѣтской власти, есть въ то же время независимѣйшій въ мірѣ монархъ. Почитаемый католиками всего міра, какъ намѣстникъ Исуса Христа, папа считается непогрѣшимымъ. Онъ распоряжается дѣлами церкви, не отвѣчая ни передъ кѣмъ за свои дѣйствія. Ближайшими его помощниками являются приближенные къ нему кардиналы, съ которыми онъ — если пожелаеъ — обсуждаетъ наиболѣе важныя дѣла.

Въ рукахъ римскаго папы сосредоточены огромныя богатства, которыя

НѢМЕЦЪ (въ Польшѣ). Гм! однако сразу видно, что здѣсь уже побивали наши.

приносятъ въ даръ церкви католики всего міра.

Жизнь римскаго папы въ Ватиканскомъ дворцѣ обставлена величайшею пышностью. У папы есть свой штатъ придворныхъ, своя почетная стража (папская гвардія), безчисленное множество всевозможныхъ слугъ.

Ватиканскій дворецъ — это цѣлый отдѣльный городъ: онъ имѣетъ до 20 дворовъ, болѣе 12 тысячъ комнатъ. Ватиканъ имѣетъ свою обширную и прекрасную бібліотеку, роскошныя картинныя галереи, множество статуй лучшихъ мастеровъ. Здѣсь собрана масса сокровищъ: драгоценныхъ старинныхъ сосудовъ, иконъ, церковной утвари, монетъ и пр.

Въ этомъ-то дворцѣ, въ покояхъ, разукрашенныхъ съ рѣдкимъ блескомъ и великолѣпіемъ, живетъ римскій папа. Изрѣдка, въ дни большихъ праздниковъ, папа совершаетъ торжественное богослуженіе въ соборѣ св. Петра. Въ такіе дни соборъ не можетъ вмѣстить всѣхъ католиковъ, желающихъ присутствовать при богослуженіи. Поэтому заранее раздаются билеты, и только тотъ, у кого есть такой билетъ, допускается въ соборъ.

Французскій писатель *)), присутствовавшій на такомъ торжественномъ богослуженіи въ соборѣ, далъ намъ описаніе папскаго выхода:

«Показалось торжественное шествіе. Впереди несли распятіе и мечъ. Затѣмъ слѣдовали: папская гвардія въ парадныхъ, расшитыхъ золотомъ, мундирахъ,

*) Эмиль Золя.

НѢМЕЦЪ (въ Польшѣ). У васъ заболѣлъ ребенокъ. Закопать. А то онъ своей дѣтской болѣзнью заразитъ нашихъ солдатъ послѣдняго призыва.

Встрѣча Александра 1-го съ Наполеономъ.
(Рѣдчайшая литографія).

палскіе служители въ ярко-алыхъ подрясникахъ, придворные въ богатыхъ платьяхъ, со шлягами и широкими шляпами въ рукахъ, священники въ свѣтлыхъ облаченяхъ, весь папскій дворъ въ фиолетовыхъ одеждахъ и, наконецъ, кардиналы. Они шли по два въ рядъ, а за ними служители несли кресло, на которомъ возсѣдалъ папа. Онъ былъ въ полномъ облаченіи, а именно: въ омофоръ, эпитрахили, стихарь, бѣлой ризъ и бѣлой же митрѣ, богато украшенной золотомъ. Облаченье папы отличалось необыкновенною роскошью. По обѣимъ сторонамъ кресла двигались два служителя, державшіе надъ головой папы громадную онахала изъ перьевъ.

«Громкіе радостные возгласы и шумные аплодисменты привѣтствовали появленіе папы. Наполнявшая соборъ толпа народа заволновалась; всѣ тѣснились впередъ, желая ближе увидать его святѣйшество папу. Но папа сошелъ со своего кресла и приступилъ къ богослуженію. И тотчасъ же въ соборѣ воцарилась глубокая тишина; казалось, каждый заталъ дыханіе...»

Богослуженіе въ тѣ дни, когда служить папа, необыкновенно торжественно. Соборъ, освѣщенный безчисленными огнями, представляетъ собой величественное зрѣлище. Величина собора такова, что онъ можетъ вмѣстить сразу нѣсколько десятковъ тысячъ молящихся. Соборъ прославляетъ величіе и могущество папы. Весь онъ изукрашенъ статуями, роскошными колоннами, на которыхъ красуются лѣнные портреты папъ.

Глазъ останавливается на роскошной отдѣлкѣ собора, на мраморахъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, собранныхъ со всего свѣта и нагроможденныхъ здѣсь для украшенія величественнѣйшаго изъ католическихъ храмовъ. Строитель собора св. Петра выложилъ разноцвѣтными мраморами стѣны храма, со статуями въ нишахъ и полъ.

Особенно богато отдѣланъ главный алтарь собора, передъ которымъ папа совершаетъ богослуженіе. Отдѣлка одного этого алтаря стоитъ около полумилліона; вся же постройка собора обошлась болѣе чѣмъ въ 300 милліоновъ рублей. Огромныхъ денегъ стоятъ статуи папъ и украшенія ихъ гробницъ, помѣщающихся тутъ же, въ соборѣ.

Въ теченіе трехъ столѣтій талантливейшіе мастера не переставали трудиться надъ соборомъ, украшая его живописью, лѣнными работами и пр. Сюда же все время стекались различныя пожертвованія и переносились драгоценныя украшенія изъ древнихъ римскихъ зданій. Такъ, напримѣръ, въ соборѣ возвышается бронзовая статуя апостола Петра, перелитая изъ статуи бога Юпитера, которая находилась прежде въ древнемъ римскомъ храмѣ.

Внѣшній видъ собора также великолѣпенъ, какъ и внутренняя его отдѣлка. Соборъ стоитъ на площади, украшенной высокими обелисками*), при-

*) Древній египетскій памятникъ въ видѣ суживающейся колонны, высѣченной изъ цѣльнаго камня.

везеннымъ изъ Египта, и двумя фонтанами. Отъ собора отходятъ колоннады, окружающія площадь; колоннады состоятъ изъ четырехъ рядовъ колоннъ. Вверху колоннады украшены статуями святыхъ. Соборъ со своими колоннадами представляетъ одно изъ величайшихъ и красивѣйшихъ зданій въ мірѣ.

Зданіе такъ громадно, что люди, проходящіе по площади, кажутся совсѣмъ крошечными, а проѣзжающіе мимо экипажи напоминаютъ дѣтскія игрушки.

Но оставимъ памятники Рима и заглянемъ на улицы, гдѣ кипитъ настоящая жизнь. Въ Римѣ проложено множество новыхъ улицъ, на которыхъ возвышаются большіе дома съ блестящими магазинами, кофейнями, ресторанами въ нижнихъ этажахъ. Мы въ эти улицы не пойдемъ, такъ какъ они ничѣмъ не отличаются отъ улицъ другихъ большихъ городовъ.

Но вотъ одна изъ улицъ стараго Рима, — въ нее-то мы и заглянемъ. Представьте себѣ длинный и узкій открытый корридоръ между высокими каменными стѣнами. Этотъ корридоръ и есть римская улица. Надъ головой виднѣется полоса яркаго голубого неба, залитаго солнечнымъ свѣтомъ; въ самой улицѣ — прохлада и полусвѣтъ. Черезъ каждые тридцать или пятьдесятъ шаговъ зданія то выступаютъ впередъ, то отступаютъ назадъ, то становятся поперекъ дороги; поэтому вы безпрестанно видите передъ собой то боковые переулки, то маленькія площади. Вы вступите на такую маленькую площадь, и васъ внезапно зальетъ солнечнымъ свѣтомъ и охватитъ тепломъ, — черезъ нѣсколько шаговъ вы опять въ тѣни, опять въ прохладномъ каменномъ корридорѣ; или же, наоборотъ, вамъ вдругъ придется изъ ярко-освѣщенной солнцемъ улицы попасть на совершенно тѣнистую маленькую площадь. Посрединѣ ея плещется фонтанъ; кругомъ стоитъ нѣсколько каменныхъ громадъ, изъ которыхъ одна непремѣнно — церковь; на каменныхъ ступеняхъ, передъ дверью церкви, сидитъ старуха или старый нищій и ожидаетъ, чтобы кто-нибудь забрелъ въ храмъ и, входя въ него, далъ бы ему маленькую мѣдную монету. Свѣтъ и тѣнь, движеніе и покой постоянно смѣняются на римскихъ улицахъ.

Продавцы газетъ выкрикиваютъ ихъ названія; мальчишки пристають къ прохожимъ съ просьбой купить спичекъ, дѣвочки — маленькіе букеты цвѣтовъ; толпа медленно движется по панделямъ и по мостовой; экипажи катятся; кучера щелкаютъ бичами и покрикиваютъ свое неизмѣнное: э.. гоп! Кре-

стьяне среди толпы отличаются своими остроконечными шляпами и грубыми синими плащами, закинутыми на одно плечо.

По обѣмъ сторонамъ узкой улицы тянутся мастерскія, лавки, харчевни. Столяры поставили на панель свои станки, строгаютъ и пилятъ около самыхъ дверей; сапожники шьютъ сапоги на порогахъ; женщины чинятъ платья и причесываютъ дѣтей опять-таки въ самыхъ дверяхъ. Все это происходитъ потому, что ни въ мастерскихъ, ни въ лавкахъ нѣтъ другого источника свѣта и тепла, кромѣ двери. Окно нѣтъ, да въ нижнемъ этажѣ они и не дали бы никакого свѣта при такой высотѣ домовъ и узкости улицъ. Дверь замѣняетъ для мастера люду окно.

Въ промежуткахъ между лавками, харчевнями и мастерскими помѣщаются двери, ведущія во внутренности домовъ. Двери эти совсѣмъ не похожи на наши: онѣ всѣ тяжелыя, узкія, обитыя желѣзомъ и гвоздями, съ кольцомъ по срединѣ.

Когда среди узкой улицы появляется экипажъ, прохожіе сторонятся, прижимаются къ зданіямъ, останавливаются, заходятъ въ лавки.

«Однажды я былъ свидѣтелемъ, — рассказываетъ русскій путешественникъ*), — какъ на одной очень узкой оживленной улицѣ все движеніе остановилось на нѣсколько минутъ потому, что какому-то ослику, везшему повозку съ зеленью, вздумалось лечь на мостовую. Вздумалъ и легъ. Всѣ экипажи остановились — нельзя проѣхать; прохожіе тоже остановились; изо всѣхъ оконъ выставились головы любопытныхъ итальянокъ и итальянцевъ... Осликъ полежалъ минутъ десять, терпѣливо вынесъ великое множество ударовъ палкой, потомъ всталъ, потрясъ ушами и, какъ ни въ чемъ не бывало, потащилъ далѣе свою повозку»...

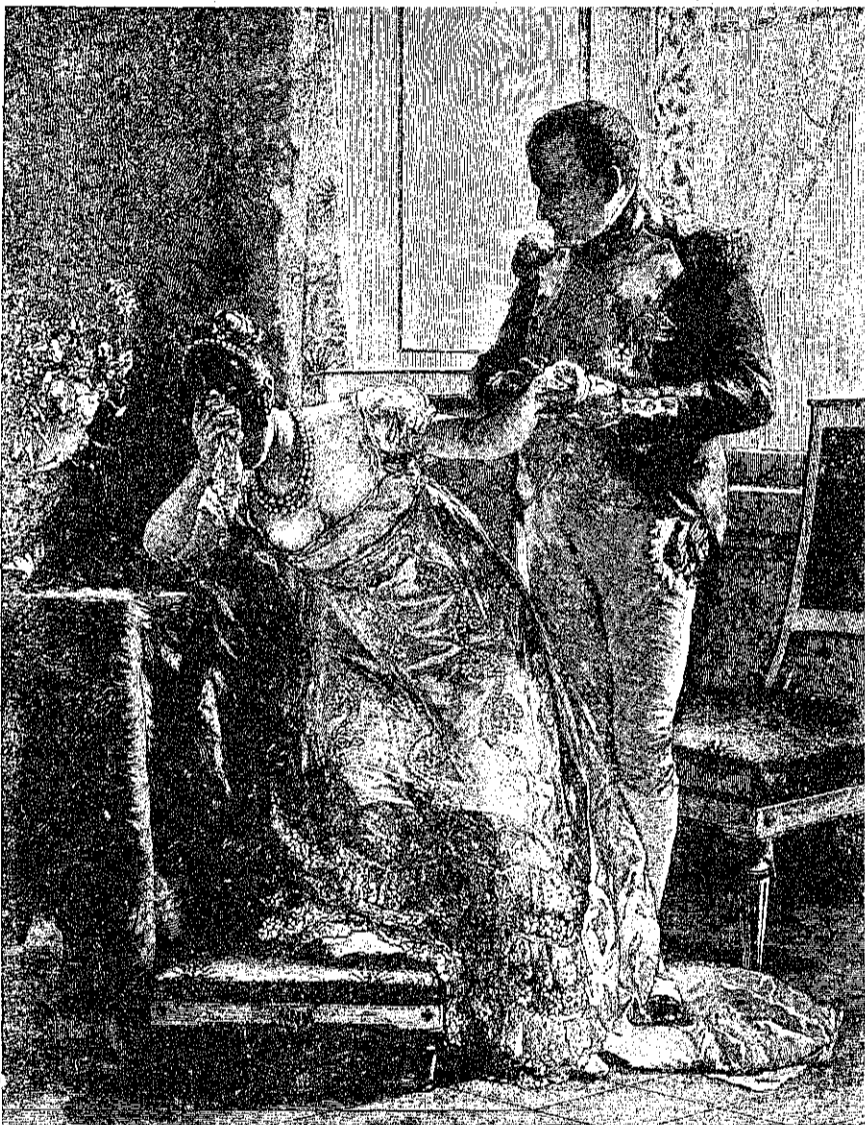
Въ Римѣ чрезвычайно много бѣдняковъ, которые тѣснятся въ предмѣстьяхъ, застроенныхъ старинными лачугами, нагроможденными въ страшномъ безпорядкѣ. Здѣсь мрачныя двери открываются въ подвалы, сырые и тѣсные; лѣстницы, прицѣпленные снаружи зданій, ведутъ въ верхніе этажи; деревянные балконы словно чудомъ держатся въ воздухѣ, угрожая каждую минуту паденіемъ. Грязь и вонь ужасны. На каждомъ шагу встрѣчаются крошечныя лавчонки, продающія дрянные съѣстные припасы, большею частью порченныя. Со всѣхъ оконъ и балконовъ на веревкахъ, перекинутыхъ че-

резъ улицу отъ одного дома къ другому, развѣшено для просушки бѣлье и платье, вѣрѣе тряпье и лохмотья. Это улицы, гдѣ ютятся римскіе бѣдняки, и такихъ улицъ здѣсь множество.

«Я—римлянинъ изъ Рима!»—съ гордостью говоритъ о себѣ коренной римскій житель. Каждый римлянинъ любитъ свою родину и относится къ «вѣчному городу» съ величайшимъ почтеніемъ. Да

кій римлянинъ крайне неохотно разстается съ Римомъ и при первой же возможности спѣшитъ возвратиться въ него.

Римлянинъ, какъ и каждый итальянецъ, отличается живымъ характеромъ, острымъ, насмѣшливымъ умомъ. Онъ очень самолюбивъ и вспыльчивъ,—изъ-за пустяка приходитъ въ ярость и тотчасъ готовъ пустить въ ходъ свой

Прощаніе Наполеона съ Жозефиной передъ разводомъ.

и неудивительно. Съ дѣтства римлянинъ видитъ, какъ множество народу изъ разныхъ странъ стекется въ Римъ, чтобы посѣтить памятники его великаго прошлаго. Римъ постоянно полонъ пріѣзжими, которыхъ привлекаютъ его достопримѣчательности, его музеи и картинныя галлеи, его университетъ.

«Великій городъ», «вѣчный городъ» — эти слова римлянинъ слышитъ съ дѣтства; съ дѣтства приучается онъ любить и почитать свою родину. Настоя-

ножь. Но въ то же время римлянинъ необыкновенно цѣнитъ вѣжливое обращеніе, и ласковымъ словомъ можно отъ него добиться всякой услуги.

Римлянинъ большую часть свободного времени проводитъ на улицѣ. Онъ часто заходитъ въ кабачекъ—трагторию, чтобы поболтать съ пріятелями. Но итальянцы вообще народъ—резвый, и пьяные здѣсь почти не встрѣчаются.

Римлянинъ—будь онъ хотя бы нищимъ, не имѣющимъ своего угла—дер-

*) С. Васильевъ.

жится съ большимъ достоинствомъ. Въ своихъ лохмотьяхъ онъ все-таки очень красивъ: смуглое лицо его оживлено блестящими глазами; движенія, походка красивы и свободны.

Чудное небо Италіи, яркое солнце, богатство природы и прекрасныхъ памятниковъ искусства развиваютъ въ народѣ любовь ко всему красивому. Римляне и говорятъ красиво, стараясь, чтобы рѣчь текла гладко, безъ запинки. И любятъ же зато они поговорить, любить и послушать хорошую рѣчь.

На улицахъ не рѣдко увидѣть такую сцену: забираетъ кого-нибудь полиція; вдругъ злополучный римлянинъ останавливается и обращаетъ къ полицейскому рѣчь, дѣлящуюся полчаса и болѣе. Толпа слушаетъ и молчитъ. Понравится—слышатся громкія слова одобренія, рукоплесканія, хотя за минуту та

наетъ защищаться и произносить длиннѣйшую рѣчь. Посѣтитель отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Иногда хозяинъ, возившійся у печки, гдѣ онъ жарилъ и варилъ всевозможныя снѣди, вбѣгаетъ на шумъ и, размахивая руками, начинаетъ говорить. Говоритъ онъ о томъ, какъ-де благодаренъ народъ, какъ онъ—хозяинъ—вочей не спитъ, чтобы угодить посѣтителю, а они вотъ ничего не дѣлаютъ. Говоритъ долго и очень красиво, при этомъ, конечно, привираетъ съ три-четыре. Итальянецъ, по поговоркѣ, — «для краснаго словца не пожалѣетъ и родного отца».

Случается и такъ: захочется кому-нибудь изъ посѣтителей проповѣдь сказать. Онъ вскакиваетъ на стулъ и начинаетъ говорить о вредѣ чревоугодія. Поднимаются смѣхъ, громкіе крики: «отлично! отлично!».

леніе стекается на главную улицу—Корсо. Корсо очень длинная и узкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся чрезвычайно высокіе дома. Отъ этого улица кажется еще уже.

Мостовая на Корсо густо усыпана пескомъ. Почти изъ каждого окна вывѣшенъ коверъ или цвѣтное полотенецъ; балконы украшены бѣлой, синей, желтой матеріей, зеленью, цвѣтами. Надъ балконами устроены навѣсы изъ полотна.

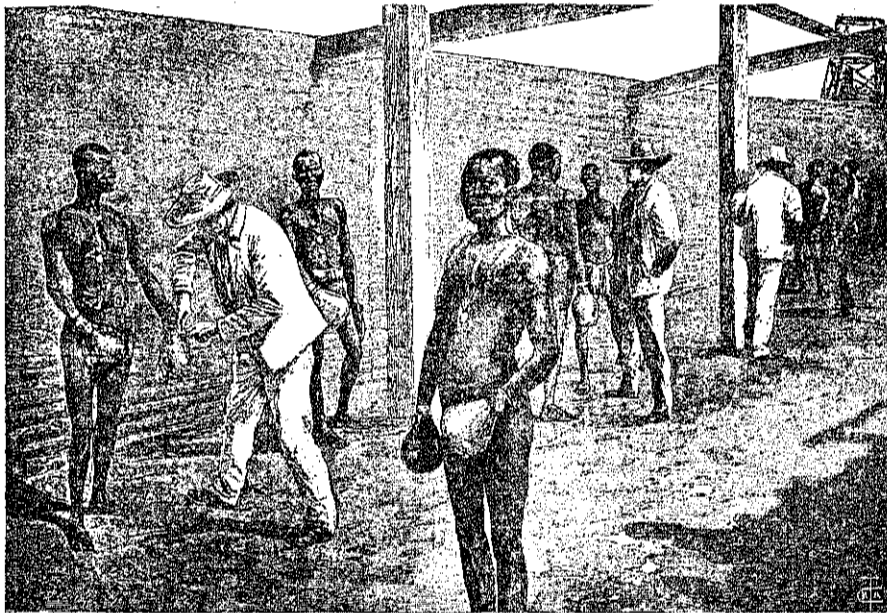
Солнце свѣтитъ ярко, и вся улица, разукрашенная пестрыми тканями, имѣетъ веселый, праздничный видъ. На узкихъ панеляхъ, а также и по мостовой двигаются густыя толпы гуляющихъ. Гуляющіе наполняютъ также двѣ площади—Народную и Венеціанскую, которыя находятся на двухъ противоположныхъ концахъ Корсо.

Въ понедѣльникъ бросаютъ конфетти. Это маленькіе бѣлые шарики, сдѣланные изъ смѣси муки и извести. Они продаются на фунты, по 2 коп. за фунтъ. Съ самаго утра на всѣхъ площадяхъ, находящихся на Корсо, собираются женщины съ огромными корзинами этихъ конфетти.

Для бросанія конфетти нужно имѣть особый снарядъ—родъ жестяной воронки, прикрѣпленной къ палкѣ; а для предохраненія лица нужно запастись особой сѣткой. И метательные снаряды, и сѣтки продаются тутъ же, на Корсо, снующими между толпой продавцами.

Около двухъ часовъ дня на Корсо начинается перестрѣлка. На всѣхъ балконахъ заготовлены громадные ящики конфетти. Съ балконовъ подстерегаютъ прохожихъ, прицѣливаются и стрѣляютъ безъ промаха. Ящики опорожняются съ изумительной быстротой. Изъ комнатъ то и дѣло приносятъ въ ведрахъ новые запасы и высыпаютъ въ ящики. На головы прохожимъ сыплется цѣлый дождь бѣлыхъ шариковъ; они барабаняютъ по шляпѣ, какъ градъ, и покрываютъ прохожаго бѣлою пылью. Нѣкоторые прохожіе, выдержавъ нѣсколько залповъ, стараются скрыться; другіе же сходятъ съ панели на мостовую и начинаютъ обстрѣливать балконы. Завязывается оживленная перестрѣлка, къ которой скоро присоединяются другіе прохожіе и другіе балконы.

На улицѣ стоитъ гулъ, крикъ безчисленныхъ голосовъ. Здѣсь нѣтъ знакомыхъ и незнакомыхъ: всѣ разговариваютъ или, вѣрнѣе, перекрикиваются другъ съ другомъ. На всѣхъ лицахъ—улыбки; всѣ веселы и довольны, какъ дѣти. И кажется, у всѣхъ этихъ, часто не первой молодости, людей нѣтъ дру-

Какъ обращались нѣмцы съ неграми своихъ бывшихъ колоній въ Африкѣ. «Лишеніе рукъ»—особое наказаніе за пустячную вину—на руки надѣвается особый снарядъ, сжимающій пальцы.

же толпа позвала полицейскаго. Кончилъ говорить арестованный—начинаетъ полицейскій. Говоритъ также горячо и красиво, приводитъ даже извѣстные стихи и изреченія мудрецовъ. Обрадованная развлеченіемъ толпа кричитъ: «Отлично! очень хорошо!».

Рѣчь полицейскаго продолжается еще нѣсколько минутъ, и, только окончивъ ее, онъ хватаетъ оратора и тащитъ его дальше.

Въ трактирахъ, гдѣ собирается простой народъ, также часто произносятся всевозможныя рѣчи. Вотъ какой-то разсерженный посѣтитель сунулъ слугѣ подъ носъ поданную имъ испорченную рыбу. Внезапно обиженный слуга начи-

А то иногда на улицѣ увидитъ человѣкъ, что собралась толпа,—взбирается на лѣстницу, на какой-нибудь памятникъ и начинаетъ ни съ того, ни съ сего читать свои стихи. Толпа тотчасъ затихаетъ, слушаетъ внимательно и награждаетъ поэта горячими рукоплесканіями. Поэты улицъ чаще всего выходятъ изъ ремесленниковъ. Сапожникъ, портной за скучной своей работой придумываютъ стихи, а затѣмъ въ свободное время идетъ на улицу и читаетъ ихъ толпѣ.

Римскую толпу лучше всего наблюдать во время «карнавала» — масленой недѣли.

Въ дни карнавала все римское насе-

гой заботы, кромѣ того, чтобы окатить зазѣвавшася градомъ конфетти.

Начиная со среды, бросанье конфетти воспрещается. Можно бросать только цвѣты. Народу на Корсо гораздо болѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни. Появляются экипажи, которыхъ прежде совсѣмъ не было. Экипажи тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы: между ними снуютъ толпа. Надъ Корсо носятся въ воздухѣ букеты. Они летятъ во всѣхъ направленіяхъ: снизу вверхъ, сверху внизъ, поперекъ улицы съ балкона на балконъ, наискось, вдогонку экипажамъ, изъ коляски въ коляску, изъ экипажей въ пѣшеходовъ и на балконы. Изъ вторыхъ и третьихъ этажей домовъ сыплется на улицу дождь мелко-изрѣзанныхъ разноцвѣтныхъ бумажекъ: красныхъ, синихъ, зеленыхъ, розовыхъ, желтыхъ. Бумажки порхаютъ и носятся по воздуху, медленно опускаются внизъ и осѣдаютъ на шляпахъ. Никто уже не опасается ходить и ѣздить по Корсо: миновала опасность получить въ лицо фунтъ муки и извести. Цвѣты всюду. Гривы лошадей, упряжь — убраны цвѣтами. Ящики передъ балконами наполнены цвѣтами. И нѣтъ человѣка, который бы не держалъ въ рукѣ букета.

Въ эти дни появляется на улицахъ и множество ряженыхъ. На каждой улицѣ встрѣчается нѣсколько лавокъ, гдѣ за безцѣнокъ можно взять напрокатъ какой угодно костюмъ. Съ утра по городу бѣгаютъ и ходятъ ряженые: и взрослые, и дѣти.

Веселье на улицахъ все увеличивается. Вотъ кто-то заплѣлъ любимую народную пѣсню; нѣсколько голосовъ подхватили, и пѣсня покатила дальше и дальше, подхватываемая налету. Вотъ кто-то хлопнулъ другого по шляпѣ: передавай дальше! Руки забарабанили по шляпамъ; всѣ смѣются, наклоняются, бѣгутъ...

Но уже вечерѣетъ. Раздается пушечный выстрѣлъ. Это сигналъ. Экипажи спѣшатъ покинуть Корсо, сворачивая направо и налево, въ прилегающія къ нему улицы. Сейчасъ начнется бѣгъ лошадей.

Въ десять минутъ Корсо очищается отъ экипажей,—остаются только пѣшеходы, которые гѣснятъ на панеляхъ. Раздаются звуки рожковъ, и нѣсколько минутъ спустя по Корсо отъ Народной площади къ Венеціанской пролетаютъ, какъ вихрь, восемь или десять лошадей, невзвзданныхъ, неосѣданныхъ, безъ сѣдокъ. На спинахъ у нихъ какія-то погремушки, которые звенятъ и колютъ

Англійская артиллерія выѣзжаетъ на позиціи.
(Рис. съ натуры).

лошадей, доводя ихъ до неистовства. На Венеціанской площади протянуты въ три ряда огромныя простыни; лошади прямо влетаютъ въ эти простыни, запутываются въ нихъ, останавливаются и позволяютъ надѣть на себя арканы (веревочныя петли).

Вечеромъ во всѣхъ залахъ и театрахъ продолжается гулянье. Ряженые танцуютъ. Толпа, наполняющая залы, подпѣваетъ музыкѣ, кричитъ, шумитъ, «ухаетъ». Понять, почему и что кричатъ, нѣтъ никакой возможности; да и сами кричащіе, вѣроятно, этого не понимаютъ. Кричатъ и шумятъ потому, что весело; веселится вся толпа, какъ одинъ человекъ или, вѣрнѣе, какъ одинъ счастливый ребенокъ.

Во вторникъ на первой недѣлѣ поста оканчивается карнавалъ. Вечеромъ, послѣ бѣга лошадей, зажигаются «макколы». Это перелетенныя вмѣстѣ двѣ свѣчи. Ихъ зажигаютъ, какъ только стемнѣетъ, съ ними выходятъ на улицу, гдѣ всякій старается потушить свѣчи другого. Машутъ платками, шляпами, плащами, букетами... Хохошь и крикъ ни на минуту не умолкаютъ. Иногда на балконѣ вспыхиваетъ занавѣска. Ее быстро срываютъ и бросаютъ внизъ, прямо на головы прохожихъ.

Наконецъ макколы погашены... Толпа рѣдѣетъ. Утомленные, но довольные и веселые римляне возвращаются по домамъ. Конецъ карнавалу!

НЕВИДИМЫЕ АЭРОПЛАНЫ.

Какой-то нѣмецкій инженеръ изобрѣлъ невидимые аэропланы: крылья аэроплановъ,—также какъ и

стеклянные части въ автомобиляхъ,—дѣлаются изобрѣтателемъ изъ какого-то состава, названнаго селлономъ. Полученный матеріалъ отличается абсолютной прозрачностью, не ломается, очень гибокъ и не загорается. Первые опыты этого изобрѣтенія были сдѣланы лѣтомъ 1913 г. и они показали, что, начиная съ 900 метровъ аппаратъ абсолютно не видѣнъ, а съ 1,800 метровъ уже невидимъ простымъ глазомъ. Селлономъ —название новаго матеріала—является химической комбинаціей целлюлозы и уксусной кислоты.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

НѢМЕЦЪ (Австрійцу). Ну вотъ и Болгарія помогаетъ намъ... АВСТРІЕЦЪ. Оставаться съ «носомъ» въ три версты длинной.

НАПОЛЕОНЪ ИЗЪ БИРГАЛЛЕ: Чортъ побери! Грохоть его наковальни скоро заглушитъ ревъ моихъ гаубиць!!

Требуяте у всѣхъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор. **„20-й ВѢКЪ“** РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ **ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ**
Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.